

Нурумов Д.И. к.ю.н.
Старший советник по правовым вопросам,
ОФ «Центр исследования правовой политики»

Анализ конституционного регулирования права на свободу и личную неприкосновенность в проекте Конституции 2026 года¹

I. Конституционно-правовая природа гарантии свободы личности

Право на свободу и личную неприкосновенность относится к числу структурообразующих гарантий конституционного строя и одновременно четко фиксирует пределы публичной власти в правовом государстве. В классической европейской доктрине защита от произвольного лишения свободы рассматривается не как отдельная процессуальная гарантия, а как системный элемент принципа правового государства (*Rechtsstaatlichkeit*), обеспечивающий подчинение государственной принудительной власти закону, суду и материальным критериям обоснованности вмешательства.

Именно поэтому международные стандарты защиты свободы личности требуют не только формального наличия судебной процедуры, но и конституционного закрепления материальных условий допустимости лишения свободы. Статья 9 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) связывает законность задержания с запретом произвольности², а авторитетное толкование Комитета ООН по правам человека подчеркивает, что произвольность охватывает не только незаконность в узком смысле, но и отсутствие разумности, необходимости и предсказуемости вмешательства.³ Тем самым международное право требует от суда не формальной, а содержательной проверки оснований лишения свободы.

В практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) критерий разумности подозрений (*reasonable suspicion*) выступает исходной материальной предпосылкой законности лишения свободы, а судебный контроль должен быть оперативным, реальным и способным привести к немедленному освобождению при отсутствии достаточных оснований. Отсутствие такой

¹ Настоящее экспертное заключение носит научно-аналитический характер и подготовлено на основе анализа публично представленного текста проекта Конституции с позиций теории конституционного права, международных стандартов верховенства права и применимых международных правовых обязательств. Заключение отражает независимое профессиональное мнение автора и не выражает позицию каких-либо государственных органов, международных организаций, политических партий, общественных объединений либо иных учреждений. Подготовка настоящего заключения осуществлялась без какой-либо финансовой, организационной либо иной внешней поддержки или влияния, способных повлиять на его содержание, выводы или степень независимости оценки. Анализ основан на тексте проекта Конституции на русском языке от 31 января 2026 года, без учета последующих изменений.

² Казахстанratифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) 24 января 2006 года. Дата вступления Пакта в силу для Казахстана: 24 апреля 2006 года.

³ Замечание общего порядка № 35 (2014 г.) Комитета ООН по правам человека к статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах. В этом документе Комитет разъясняет, что: понятие «произвольности» не ограничивается только нарушением национального закона; оно также включает отсутствие разумности, необходимости и соразмерности, а также непредсказуемость вмешательства в свободу личности; любое лишение свободы должно быть законным, необходимым в конкретных обстоятельствах и пропорциональным законной цели. Это ключевой международный источник для толкования статьи 9 МПГПП и стандартов законности задержания.

проверки трансформирует задержание из правомерной меры уголовного преследования в произвольное вмешательство государства.⁴

Венецианская комиссия Совета Европы, формулируя общеевропейские стандарты верховенства права, также исходит из того, что эффективный судебный контроль над лишением свободы представляет собой один из краеугольных элементов конституционной демократии. Наличие процедур само по себе недостаточно, поскольку они должны обеспечивать действительную защиту личности от злоупотребления властью.⁵

Стандарт «разумного подозрения», выработанный в практике ЕСПЧ, и тест отсутствия произвольности лишения свободы, применяемый Комитетом ООН по правам человека, не противоречат друг другу, а действуют на разных уровнях правовой оценки. Первый устанавливает минимальный материальный порог законности первоначального лишения свободы, тогда как второй требует, чтобы даже формально законное задержание было необходимым, разумным и непротиворечащим принципу недопустимости произвольности.

Оптимальной с точки зрения современного международного и сравнительного конституционного права является такая модель регулирования, при которой в конституции одновременно закрепляются два взаимодополняющих стандарта защиты свободы личности: общий запрет произвольного лишения свободы, вытекающий из статьи 9 МПГПП и распространяющийся на все случаи фактического ограничения свободы независимо от их правовой природы, и специальное требование наличия разумного подозрения в совершении уголовного правонарушения как материального основания задержания и последующего содержания под стражей в уголовном судопроизводстве, сформированное в практике ЕСПЧ.

Данные стандарты не противоречат друг другу, поскольку действуют на разных уровнях правовой оценки, а именно первый стандарт устанавливает универсальный принцип необходимости, разумности и непривильности любого лишения свободы, тогда как второй конкретизирует минимальный доказательственный порог допустимости уголовно-процессуального задержания. Их совместное конституционное закрепление обеспечивает наиболее полный и совместимый международно-признанный уровень защиты права на свободу и личную неприкосновенность.

II. Пределы действующей конституционной модели

Европейская конституционная юриспруденция последовательно исходит из того, что лишение свободы допустимо лишь при строгом соблюдении материальных критериев пропорциональности и под эффективным судебным контролем, что подтверждается, например, практикой Федерального конституционного суда Германии и Конституционного суда Италии при толковании конституционных гарантий личной свободы.

Действующая статья 16 Конституции Республики Казахстан исторически закрепила базовую судебную гарантию против произвольного лишения свободы и тем самым обеспечила минимальное соответствие универсальным стандартам. Однако ее конструкция отражает более ранний этап развития международного права прав человека.

⁴ В конституционно-правовой и уголовно-процессуальной теории «разумное подозрение» означает: наличие конкретных фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что лицо могло совершить правонарушение. Это материальный стандарт законности задержания, разработанный в практике ЕСПЧ в деле *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom*.

⁵ Rule of Law Checklist (Контрольный список по верховенству права), подготовленный Европейской комиссией за демократию через право – Венецианской комиссией Совета Европы. В этом документе сформулированы общеевропейские стандарты верховенства права, включая положение о том, что эффективный судебный контроль над лишением свободы и доступ к правосудию являются ключевыми элементами ограничения произвольного вмешательства властей и контроля над злоупотреблениями властью. Venice Commission, Rule of Law Checklist, CDL-AD(2016)007. См. также Report on the impact of the pre-trial detention of mayors on the exercise of local governance. Adopted by the Venice Commission at its 144th Plenary Session (Venice, 9-10 October 2025).

С точки зрения современного международного права прав человека и европейской конституциональной доктрины такая модель может рассматриваться лишь как минимальный исторический стандарт, но не как полноценно развитая гарантия правового государства.

В действующей конституционной норме отсутствует прямой запрет произвольного лишения свободы, выражаемый в международном праве формулой о том, что никто не может быть лишен свободы произвольно, что составляет центральное требование статьи 9 МПГПП в толковании Комитета ООН по правам человека. Норма также не закрепляет материальные критерии допустимости вмешательства в личную свободу, а именно разумность, необходимость и соразмерность ограничения, а равно требование наличия разумного (обоснованного) подозрения в совершении уголовного правонарушения как условия уголовно-процессуального лишения свободы.

Отсутствие указанных элементов означает, что судебная санкция может восприниматься как преимущественно формальная и не гарантирует действительной защиты личности от произвольного вмешательства публичной власти, что не в полной мере соответствует международным стандартам обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность. Тем самым на уровне Конституции остаются незакрепленными ключевые материальные элементы современной защиты: критерий разумного подозрения, полноценная процедура *habeas corpus* и прямое право на компенсацию за незаконное лишение свободы, тогда как конституционно допустимый продолжительный срок задержания без судебного решения снижает интенсивность судебного контроля и ослабляет превентивную функцию соответствующего основного права.

С учетом того, что Республика Казахстан присоединилась к МПГПП в 2006 году и тем самым приняла на себя международно-правовые обязательства по обеспечению закрепленных в нем стандартов защиты права на свободу и личную неприкосновенность, конституционное регулирование в данной сфере подлежит толкованию и развитию в соответствии с требованиями статьи 9 Пакта и ее авторитетным разъяснением Комитетом ООН по правам человека.⁶ Это предполагает необходимость закрепления на уровне Конституции не только формальных процедурных гарантий лишения свободы, но и материальных критериев недопустимости произвольного вмешательства (разумности, необходимости, соразмерности и наличия обоснованного подозрения), а также полноценного судебного контроля по модели *habeas corpus* и права на компенсацию за незаконное лишение свободы, без чего невозможно обеспечить полное соответствие национальной конституционной системы принятым международным обязательствам государства.

III. Анализ конституционной определённости проекта Конституционной комиссии

Проект статьи 18 проекта Конституции от 31 января 2026 года, подготовленный Конституционной комиссией, вводит отдельные процессуальные уточнения и обновляет терминологию, однако принципиальная конструкция судебного контроля остается недостаточно определенной. Перенос предельных сроков задержания без суда на уровень закона означает фактическую дерегуляцию ключевого элемента фундаментального права и допускает его последующее изменение без пересмотра Конституции.

В конституционно-правовой теории подобная ситуация может определяться как недостаточная нормативная плотность основного права (*unzureichende Normdichte*), поскольку именно Конституция должна закреплять неснижаемый минимум защиты от вмешательства государства в свободу личности. Передача такого предела обычному законодателю не в полной мере согласуется с принципом верховенства Конституции и снижает степень правовой определенности.

Исторически конституции континентально-европейской правовой традиции нередко ограничивались закреплением общих принципов права на свободу и личную

⁶ О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах

Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года N 91. Документ вступил в силу для страны 24 апреля 2006 года.

неприкосновенность, предполагая, что их конкретное содержание будет развиваться судебной практикой и законодательством. Однако современный этап конституционализма характеризуется тенденцией к более детальной конституционной конкретизации гарантий, особенно в сферах, непосредственно затрагивающих фундаментальные права человека и защиту от злоупотребления публичной властью. Такая эволюция обусловлена признанием того, что формального закрепления процедур недостаточно без ясных материальных критериев допустимости вмешательства в личную свободу.

Для государств, в которых роль судов в формировании правовых стандартов традиционно ограничена, значение конституционной детализации возрастает. В подобных системах именно текст Конституции должен обеспечивать достаточную определенность и полноту гарантий, предотвращая риск их формального или узкого толкования правоприменителем. В этом контексте более конкретное закрепление запрета произвольного лишения свободы, требования разумного подозрения, необходимости и соразмерности вмешательства, а также эффективного судебного контроля соответствует не только универсальным стандартам статьи 9 МПГПП, но и современному пониманию верховенства права.

Данный подход согласуется и с позицией Венецианской комиссии Совета Европы, которая в своих документах подчеркивает, что подлинное верховенство права требует не только существования формальных процедур, но и их способности обеспечивать реальную и эффективную защиту личности от произвольного вмешательства государства. Следовательно, конституционная конкретизация гарантий личной свободы выступает не отходом от европейской традиции, а ее современным развитием, направленным на укрепление судебной защиты прав человека и предотвращение злоупотреблений властью, что имеет особое значение для правовой системы Казахстана.

В современном международном и европейском праве гарантия судебного контроля над лишением свободы (*habeas corpus*) носит универсальный характер и распространяется на все случаи фактического лишения свободы независимо от их уголовно-процессуальной, административной, миграционной, медицинской либо иной правовой квалификации. Такое понимание вытекает из статьи 9 МПГПП и ее толкования Комитетом ООН по правам человека, а также из статьи 5(4) Европейской конвенции о защите прав человека и устойчивой практики ЕСПЧ, исходящих из материального критерия фактического удержания лица под контролем государства. Соответственно, каждое лицо, подвергнутое лишению свободы, должно обладать реальной возможностью безотлагательно оспорить законность удержания перед судом и добиться освобождения при отсутствии достаточных правовых оснований, при этом доступ к юридической помощи рассматривается как необходимый элемент эффективности такой судебной защиты.

В этой связи следует отметить, что формулировки проекта Конституционной комиссии, ограниченные категориями «задержания» и «содержания под стражей», не охватывают весь спектр возможных форм фактического лишения либо существенного ограничения свободы, признанных международным правом. Как подчеркивается в толковании статьи 9 Пакта, судебная проверка должна быть доступна во всех случаях, когда лицо «лишено свободы» в материальном смысле, независимо от правовой квалификации соответствующей меры. Следовательно, конституционная модель, не распространяющая гарантию *habeas corpus* на любые формы принудительного удержания, не обеспечивает полноты судебной защиты и требует нормативного уточнения с целью приведения ее в соответствие с универсальными и общеевропейскими стандартами права на свободу личности.

Указание в конституционной норме на право пользоваться помощью защитника в зависимости от процессуального статуса лица (задержанный, подозреваемый, обвиняемый) не отвечает современным международным стандартам защиты права на свободу и справедливое судебное разбирательство. В универсальном и европейском праве отправной точкой возникновения гарантий защиты является не формальная квалификация лица в уголовном процессе, а сам факт фактического лишения либо существенного ограничения свободы или иного воздействия государства, способного затронуть положение лица в уголовном преследовании.

Так, в толковании статьи 9 и статьи 14 МПГПП Комитет ООН по правам человека последовательно исходит из того, что процессуальные гарантии, включая доступ к адвокату, должны предоставляться с момента фактического задержания или иного реального ограничения свободы, независимо от того, придан ли лицу формальный статус подозреваемого либо обвиняемого. Привязка гарантii к внутренним процессуальным категориям допускает ситуацию, при которой государство способно отсрочить возникновение права на защиту путем задержки формального признания статуса, что затрудняет обеспечение запрета произвольного лишения свободы и требования эффективной судебной защиты.

Аналогичный подход сформирован в практике ЕСПЧ по статье 6 Европейской конвенции, согласно которой право на защитника возникает уже тогда, когда положение лица существенно затронуто подозрением со стороны государства и когда первоначальные следственные действия могут повлиять на справедливость всего последующего разбирательства. Следовательно, международные стандарты не связывают начало действия гарантii с национальной процессуальной терминологией, а исходят из материального критерия фактического воздействия уголовного преследования на положение лица.

С конституционно-правовой точки зрения включение в основной закон перечня процессуальных статусов снижает уровень гарантii права на защиту, поскольку:

- делает ее зависимой от усмотрения органов расследования;
- допускает временной разрыв между фактическим лишением свободы и доступом к адвокату;
- противоречит принципу недопустимости произвольности и требованию эффективной судебной защиты.

Именно поэтому современный европейский конституционализм закрепляет право на защитника с момента фактического лишения свободы либо первого официального воздействия уголовного преследования, не дифференцируя его по стадиям процессуального статуса. Такой подход обеспечивает реальность права на защиту и соответствует как Международному пакту о гражданских и политических правах, так и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Следовательно, конституционная формула, связывающая доступ к адвокату исключительно с процессуальными статусами «подозреваемого» или «обвиняемого»⁷, может рассматриваться

⁷ Деление лица на процессуальные категории «подозреваемого» и «обвиняемого» как основание для различного объема фундаментальных гарантii защиты в современном уголовном процессе представляется методологически и конституционно уязвимым. Такое разграничение отражает исторически более раннюю, формально-стадийную (инквизиционную) модель уголовного судопроизводства, в которой права личности зависели от процессуальной квалификации, придаваемой органом преследования. Однако в условиях развития международных стандартов прав человека и трансформации уголовного процесса в правозащитно-ориентированную систему решающим критерием возникновения гарантii выступает не формальный статус, а сам факт осуществления государством уголовного преследования либо иного принудительного воздействия, способного существенно затронуть положение лица. Привязка фундаментальных прав к статусу «подозреваемого» или «обвиняемого» концептуально спорна по нескольким причинам. Во-первых, соответствующий статус формируется самим органом расследования и потому не может служить нейтральным юридическим рубежом возникновения конституционных гарантii: иное позволяло бы произвольно отсрочивать предоставление защиты путем затягивания формального признания лица участником процесса. Во-вторых, различие между подозрением и обвинением носит преимущественно процессуально-технический характер и не отражает степени вмешательства государства в сферу прав личности, тогда как именно интенсивность такого вмешательства должна определять объем конституционной защиты. В-третьих, подобная дифференциация входит в противоречие с современным пониманием права на справедливое судебное разбирательство и эффективную защиту, согласно которому гарантii должны действовать с первого момента, когда положение лица существенно затронуто уголовным преследованием, независимо от его формальной квалификации. С точки зрения теории основных прав сохранение различий между «подозреваемым» и «обвиняемым» в качестве конституционно значимого критерия фактически превращает фундаментальные гарантii в производные от усмотрения публичной власти, что несовместимо с принципом верховенства права и запретом произвольного вмешательства государства в сферу личной свободы. Именно поэтому

как архаичная с точки зрения международных стандартов и рекомендуемая к замене на универсальное правило о праве на защитника с момента фактического лишения или ограничения свободы.

IV. Концептуальное значение предлагаемой Центром исследования правовой политики (ЦИПП) редакции статьи 18 проекта Конституции

Предлагаемая Центром исследования правовой политики редакция формирует качественно иную модель конституционной защиты, соответствующую современной европейской доктрине *habeas corpus*.

Во-первых, она конституционно закрепляет безотлагательный судебный контроль и предельный срок вынесения судебного решения не позднее сорока восьми часов с момента фактического задержания. Тем самым устраняется возможность произвольного расширения досудебного удержания и реализуется требование оперативности судебной защиты.

Во-вторых, включение критерия разумного подозрения придает судебной проверке материальный характер. Суд обязан исследовать фактическую обоснованность вмешательства, а не ограничиваться проверкой процессуальной формы. Именно этот элемент является центральным в толковании статьи 9 Пакта Комитетом ООН по правам человека и в практике Европейского суда по правам человека.

В-третьих, закрепление непрерывного права обращения в суд, права на защитника с момента фактического лишения свободы, уведомления близких лиц и права на компенсацию формирует целостную систему гарантий, соответствующую международной модели защиты свободы личности.

Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (действующая редакция)	Редакция Комиссии по Конституционной реформе (Конституционная комиссия) от 30 января 2026 года	Предлагаемая редакция Центра исследования правовой политики
Статья 16 1. Каждый имеет право на личную свободу. 2. Арест и содержание под стражей допускаются только в предусмотренных законом случаях и лишь с санкции суда с предоставлением арестованному права обжалования. Без санкции суда лицо может быть подвергнуто задержанию на срок не более семидесяти двух часов.	Статья 18 1. Каждому человеку гарантируется право на личную неприкосновенность и свободу. 2. Без судебного решения человек не может быть подвергнут задержанию на сроки, предусмотренные законом. Содержание под стражей допускается только по судебному решению с	Статья 18. Право на свободу и личную неприкосновенность 1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Лишение либо ограничение свободы допускаются только на основании закона, в предусмотренных им случаях и порядке и не могут быть произвольными, будучи необходимыми и соразмерными

современная международная и европейская правовая доктрина постепенно отказывается от стадийно-статусной логики в пользу материального подхода, при котором права на защиту, доступ к адвокату и судебный контроль возникают всякий раз, когда государственное принуждение достигает уровня, сопоставимого с уголовным преследованием. Следовательно, само по себе нормативное различие между «подозреваемым» и «обвиняемым» утрачивает конституционное значение и не может служить допустимым основанием для ограничения объема фундаментальных гарантий. Конструктивно оправданной в современном правовом государстве является лишь такая модель, при которой права защиты обеспечиваются каждому лицу с момента фактического воздействия уголовного преследования, независимо от формальной процессуальной квалификации его статуса.

<p>3. Каждый задержанный, арестованный, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента, соответственно, задержания, ареста или предъявления обвинения.</p>	<p>предоставлением права обжалования.</p> <p>3. Каждому человеку в момент задержания разъясняются основания ограничения свободы и его права.</p> <p>4. Задержанный, подозреваемый, обвиняемый имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента, соответственно, задержания, признания в качестве подозреваемого или предъявления обвинения.</p>	<p>конституционно значимой цели.</p> <p>2. Задержание, арест, содержание под стражей либо иные формы принудительного удержания допускаются лишь по судебному решению. Лицо, фактически подвергнутое лишению свободы без предварительного судебного решения, подлежит безотлагательному доставлению к судье. Суд незамедлительно проверяет законность и обоснованность лишения свободы, а в уголовном судопроизводстве, наличие разумного подозрения в совершении уголовного правонарушения. При отсутствии законных оснований лицо подлежит немедленному освобождению. Судебное решение выносится не позднее сорока восьми часов с момента фактического задержания.</p> <p>3. Каждый, фактически подвергнутый лишению либо ограничению свободы, вправе в любое время обратиться в суд с требованием о безотлагательной проверке законности принудительного удержания. Признание лишения либо ограничения свободы незаконным влечет немедленное освобождение.</p> <p>4. При фактическом лишении либо ограничении свободы лицу незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины лишения свободы и его права.</p> <p>5. Каждый, фактически подвергнутый лишению либо ограничению свободы имеет право на помочь защитнику с момента фактического лишения либо</p>
--	--	---

		<p>ограничения свободы на уведомление близких лиц. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь предоставляется за счет государства.</p> <p>6. Незаконные лишение либо ограничение свободы влекут право на возмещение вреда за счет государства в порядке, установленном законом.</p>
--	--	---

С точки зрения современной теории основных прав подобная конституционная конструкция обеспечивает, прежде всего, материальную законность вмешательства, поскольку ограничение личной свободы допускается не только при формальном соблюдении закона, но и при наличии его содержательной оправданности, которая разумной цели, необходимости вмешательства в конкретных обстоятельствах и его соразмерности преследуемой публичной задаче, включая требование обоснованного подозрения как минимального стандарта уголовно-процессуального лишения свободы. Тем самым право на свободу приобретает характер подлинного субъективного публичного права, защищенного от произвольного усмотрения государства.

Одновременно такая модель гарантирует процессуальную эффективность судебной защиты, поскольку судебный контроль над лишением свободы выступает не формальной санкцией, а реальной процедурой проверки законности и обоснованности вмешательства, осуществляющей безотлагательно и с обеспечением права быть выслушанным, пользоваться помощью защитника и добиваться освобождения при отсутствии законных оснований. В этом проявляется классическая функция *habeas corpus* как непосредственного средства восстановления свободы, а не лишь последующего контроля за уже совершенным нарушением.

Наконец, указанная конструкция формирует институциональный баланс между публичной властью и свободой личности, при котором лишение свободы выводится из сферы одностороннего административного усмотрения и подчиняется независимому судебному контролю, обеспечивая систему взаимных сдержек и противовесов. Такой баланс соответствует как универсальным международным стандартам защиты права на свободу, так и общеевропейскому пониманию верховенства права, в рамках которого именно судебная защита выступает ключевым механизмом предотвращения злоупотребления властью и гарантией реальности конституционных прав.

Предлагаемая редакция находится в полном соответствии с современными международными стандартами защиты права на свободу и личную неприкосновенность. Прежде всего, она соотносится со статьей 9 МПГПП в ее авторитетном толковании Комитетом ООН по правам человека, поскольку закрепляет не только формальную законность лишения свободы, но и материальные критерии недопустимости произвольного вмешательства (разумность, необходимость, соразмерность и наличие обоснованного подозрения), а также эффективный судебный контроль и право на восстановление нарушенной свободы. Аналогичным образом редакция соответствует статье 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и устойчивой практике Европейского суда по правам человека, исходящей из того, что лишение свободы допустимо лишь при строгом соблюдении принципа законности, оперативного судебного контроля и реальной возможности оспаривания содержания под стражей.

Вместе с тем предложенный подход согласуется со стандартами Венецианской комиссии Совета Европы, рассматривающей эффективную судебную защиту от произвольного лишения свободы как один из краеугольных элементов верховенства права и конституционной

демократии. Закрепление соответствующих гарантий непосредственно в тексте Конституции отвечает и конституционным моделям ряда европейских государств, включая Германию, Италию и Нидерланды, где решающая роль суда, материальные пределы вмешательства в личную свободу и процедуры немедленного судебного контроля сформулированы именно на конституционном уровне и тем самым выведены за пределы усмотрения обычного законодателя.

Тем самым обеспечивается не только формальное соответствие международным обязательствам государства, но и содержательная интеграция национальной конституционной системы в общеевропейское пространство защиты прав человека, предполагающая приоритет реальной судебной защиты, материальных гарантий свободы личности и эффективных механизмов предотвращения злоупотребления публичной властью.

С точки зрения классической доктрины основных прав предлагаемая конструкция воспроизводит общепринятую в континентальной конституционной юриспруденции трехступенчатую модель проверки вмешательства в основное право: определение сферы защиты свободы личности (*Schutzbereich*), установление факта вмешательства (*Eingriff*) и оценку его конституционной оправданности (*verfassungsrechtliche Rechtfertigung*) на основе принципа пропорциональности, включающего законность, легитимную цель, необходимость, соразмерность и эффективный судебный контроль. Такая структура анализа последовательно применяется Федеральным конституционным судом Германии и другими конституционными органами в Европе.

Используемые в предлагаемой редакции термины «лишение свободы» и «ограничение свободы» применяются в их конституционно-правовом и международно-правовом значении, а не в узком уголовно-процессуальном смысле. Такое понимание соответствует статье 9 МПГПП и ее авторитетному толкованию Комитетом ООН по правам человека, исходящему из материального критерия фактического удержания лица под контролем государства независимо от юридической квалификации соответствующей меры во внутреннем праве. Соответственно, указанные понятия охватывают любые формы государственного принуждения, которые по своей интенсивности лишают лицо возможности свободно покинуть место пребывания либо существенно ограничивают его физическую свободу, включая меры административного, миграционного, медицинского и иного характера.

Такое конституционное понимание принципиально отличается от отраслевого уголовно-процессуального подхода, в котором лишение свободы связывается преимущественно с задержанием, арестом, содержанием под стражей либо исполнением уголовного наказания. Закрепление данных терминов в их материальном, а не процессуально-квалификационном значении обеспечивает полноту конституционной защиты, исключает возможность обхода гарантий путем изменения юридической формы вмешательства и соответствует современному европейскому пониманию права на свободу личности как универсального основного права, действующего во всех ситуациях фактического государственного контроля над физической свободой человека.

В итоге предлагаемая редакция не ограничивается совершенствованием отдельных процедурных гарантий, а формирует целостную конституционную модель защиты свободы личности, основанную на материальных критериях допустимости вмешательства, безотлагательном судебном контроле и институциональном приоритете судебной защиты. В системном измерении это означает переход от минимального исторического стандарта к полноценно развитой модели конституционного *habeas corpus*, соответствующей современному этапу европейского конституционализма и международным обязательствам Республики Казахстан.

Элемент гарантии	Действующая Конституция РК (ст. 16)	Проект Конституционной комиссии	Элемент гарантии
Базовое право	«право на личную свободу»	«личная неприкосновенность и свобода»	«свобода и личная неприкосновенность»
Универсальный охват любых форм удержания	Нет (в фокусе арест/стража/ задержание)	Сужено к «задержанию» и «содержанию под стражей»	Прямо: «лишение либо ограничение свободы», плюс «иные формы принудительного удержания»
Запрет произвольности (material arbitrariness)	Прямо отсутствует	Прямо отсутствует	Прямо закреплен + необходимость/ соразмерность
Судебное решение как правило	«санкция суда» для ареста/стражи, но задержание без санкции до 72ч	Суд для «содержания под стражей», но «задержание на сроки, предусмотренные законом» (делегирование предела закону)	Любые формы удержания «лишь по судебному решению», а при фактическом лишении свободы без решения доставка к судье
Предельный срок без судебного решения	72 часа	Сроки отданы «закону» (конституционный предел не закреплен)	48 часов до вынесения решения суда
Habeas corpus «в любое время»	Прямо не закреплен как непрерывное право	Прямо не закреплен (есть лишь «право обжалования» для стражи)	Прямо: «в любое время обратиться в суд» + немедленное освобождение при незаконности
Суд проверяет «обоснованность» + наличие разумного подозрения	Нет прямой проверки «разумного подозрения»	Не закреплено	Прямо: суд проверяет законность/ обоснованность; в уголовном процессе — наличие разумного подозрения
Немедленное освобождение при отсутствии оснований	Не сформулировано прямо	Не сформулировано прямо	Прямо: немедленное освобождение при отсутствии законных оснований
Уведомление причин и прав	Прямо отсутствует	Только «в момент задержания» (узкий охват)	Универсально: при фактическом лишении/ ограничении свободы, на понятном языке
Доступ к адвокату	Привязан к статусам и стадиям (задержан/арестован /обвиняемый)	Еще более привязан к статусам («подозреваемый/ обвиняемый»)	С момента фактического лишения свободы (универсальный стандарт)
Компенсация	Не закреплена	Не закреплена	Прямо: возмещение вреда за счет государства

V. Заключение

Статья 16 действующей Конституции РК отражает исторически сложившийся минимальный уровень защиты свободы личности и не в полной мере соответствует современным международным стандартам.

Проект Конституционной комиссии модернизирует отдельные элементы регулирования, однако потенциально снижает конституционную устойчивость гарантий вследствие недостаточной нормативной определенности.

Предлагаемая редакция статьи 18 формирует целостную современную модель конституционного *habeas corpus*, поскольку прямо закрепляет:

- безотлагательный судебный контроль в пределах сорока восьми часов;
- материальный критерий разумного подозрения;
- непрерывный доступ к суду и защитнику;
- право на компенсацию за незаконное лишение свободы.

Именно вышеназванные элементы рассматриваются международным правом как ключевые гарантии против произвольного задержания и как необходимое условие реальности судебной защиты.

Таким образом, предлагаемая редакция статьи 18 не только нацелена на обеспечение более высокого уровня нормативной детализации права на свободу и личную неприкосновенность, но и на формирование качественно новой модели конституционной защиты, вытекающей из международных обязательств Республики Казахстан, принципа верховенства права и самой природы свободы личности как основополагающего субъективного публичного права. Закрепление на конституционном уровне материальных критериев допустимости лишения свободы, безотлагательного судебного контроля и целостной системы процессуальных гарантий переводит национальное регулирование из плоскости исторически минимального стандарта в пространство современного конституционализма *habeas corpus*, обеспечивая практическую, а не декларативную защиту личности от произвольного вмешательства публичной власти.

10 февраля 2026 года